

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO BUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 949917

Editor-Director
TATIANA K. DE DUBROWSKY

Casilla de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

Correo
Argentino
Suc. 30 (B)FRANQUEO PAGADO
Concesión No. 4233
Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

AÑO XX

Buenos Aires, martes, 26 de diciembre de 1967

Буэнос Айрес, вторник 26 декабря 1967 года № 932

В С Н О В Ы М Г О Д О М !

П. Панин

В Р А Г № 1

Враг нам Степун — или не враг, — в политическом отношении? Друг наш или враг — Савинков, и можем ли мы с ним объединиться? Ведь очевидно, что объединиться с врагами — совершенно гиблое дело, даже и против другого врага. Всегда можно получить нож в спину. Значит: объединяться можно только с верными. Каков же критерий этой верности?

Степун — искренний и совестливый порой человек. Описывая свое прибытие в кремлевский дворец, он говорит: “Нам была отведена комната в Большом дворце... вместе с П. М. Толстым... Слушая его... я решительно не понимал, кто он, кто я, почему мы ночуем в царском дворце, что мы делаем и что с нами творится. Часто находившее на меня чувство призрачности революции никогда еще не достигало такой силы... В душе было смутно и нехорошо: пребывание в царских покоях устыжало, словно я кого-то обокрал и не знаю, как бы спрятать краденое...” Замечательно! С о в е с т ь, подсознательное говорило, душа не находила себе места перед лицом неосознанной правды. Казалось бы: искренне до предела. Еще бы только маленький шаг...

А можем мы ему поверить вполне, по-дружески, — так, чтоб уж не оглядываться назад? Не можем: тут же, рядом и следом за таким удивительным признанием, он совершенно уверенно будет говорить о “прогнившем царском режиме”, о “Царе-деспоте” и о “правде революции”. — “Отмежевываясь от марксистского понимания революции, я отнюдь не отмежевывался от нее самой”. Больше: с обычной склонностью таких людей к болтовни, он даже горячо приветствует ее “трагичность”, то есть революционное зверство, ее “религиозную сущность”, находя в этом оправдание революции. Эта трагичность, видели ли, возвышает жизнь от быта к бытию. — “Если бы война не окрылилась революцией, если бы она благополучно докатила свой кровавый груз до предусмотренной цели, это было бы прямым

доказательством величайшего религиозно-эстетического падения народной души. Но этого не случилось. Русская жизнь неожиданно вознеслась на свои вершины. На театре военных действий появился трагический герой — русская революция”. — Что можно сказать перед лицом такого религиозно-политического кошмара, такого ублюдочного мышления?

Итак: попутчик Степун нам, монархистам? Никакой не попутчик. Мы для него — “черная сотня”, достойная одного презрения. Он — попутчик Керенскому, Бубликову, Суханову, Гоцу, Савинкову. А тем самым и Ленину, потому что Ленин — тот же Керенский в кубе. Не надо обманываться их враждой; порой ведь человек с ненавистью смотрит на свое отражение в зеркале.

Бывают и прозрения: — “Я... ощущал ее (революцию) некоею первозданною зловещею ночью, единою в природе и подсознательных недрах человеческой души”. Точно! Еще замечательнее! Почему же после таких прозрений Степун не отвернулся от революции?..

А вот — о Московском Собрании: — “Как только я вошел в зал Большого театра... я почувствовал предельную напряженность... Все были, как в лихорадке, все чего-то боялись... чего-то ждали... ждали не от себя, не от своего почина, а от каких-то тайных, закулисных сил...” Ну, еще маленький, маленький шагок!..

Ясно. Люди, собравшиеся на Собрание с целью “сговора”, отыскания пути из ямы, в которой оказались, — ясно чувствовали, что они уже не имеют своей воли, а находятся во власти чужой. Она и выразилась потом в символическом пожати рук “демократа” Церетелли и “промышленника” Бубликова. А на деле оба они были революционеры и оба — масонами. И не только никого не представляли, а были пешками на шахматной доске.

Между прочим: людям, ратующим сейчас за “единство”, за “примирение враждующих лагерей”, — никогда не надо забывать этого Московского Собрания, где все будто бы “объединилось” и все, положительно все, — чувствовали, что ничего не достигли. — “Объясняется это противоречие тем, что почти все вожди Собрания ощущали свою примирительную тактику, не как ведущий в счастливое будущее путь, а как канат над бездной уже разделивший Россию на два непримиримых лагеря... Только Керенский верит еще в то, что канат, по которому он, балансируя, скользит над бездной, — есть тот путь, по которому пойдет революция”. — Степун и тут сливает счастливый путь России с революцией.

Отлично! Канат этот отделял не большевиков от демократов, не Бубликова от Церетелли — и даже не Корнилова от Керенского, — он разделял Революцию и Россию. Ни Степун, ни члены Собрания, собравшись там под знаменем Революции этого не поняли; они просто “боялись”, “ожидали”; и “ожидали скорее справа”. Через два месяца всех их смела поганая левая метла.

Еще об этом дурачком “единстве”. Ведь все кукушки о нем кукуют, все свахи стараются. А где и когда — у кого? — оно было иль существует? Да и нужно ли оно, это абсолютное, твер-

ОТ ГЛАВЫ РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ДОМА

Кончается 1967 год, в Ноябре коего Советский Союз праздновал 50-летие захвата большевиками власти в России.

Не только на нашей многострадальной Родине отметили торжественными речами и парадами эту трагическую дату русской и мировой истории; главы государств, среди них и гордящиеся своей демократией и защитой прав человека, а также и ведущие руководители Христианской религии, выразили в приветственных телеграммах свое искреннее поздравление и лучшие пожелания советскому правительству.

Неужели забыто все?! И десятки миллионов жертв большевистской власти в России, и миллионы страждущих людей под игом того же коммунистического строя в странах-сателлитах, забыто и гонение на Церковь! И все это в ничтожной надежде достичь мирного сожительства с теми, кто все еще стремится к захвату власти во всем мире!

Нас, русских изгнанников, никогда не примирившихся с существованием большевистской власти в России, все меньше и меньше. Уходят поколения тех, кто в свое время, с оружием в руках, боролись против большевиков, редеть ряды старшего поколения убежденных антикоммунистов. Но есть еще молодежь, наши последователи. И они и мы, кто еще живы, мысленно постоянно связаны с нашим далеким Отечеством.

Мы радуемся исключительным техническим достижениям покрывшим славою русское имя, среди которых гордимся полетами в космос как Юрия Гагарина, так и других русских смельчаков, хотя Я уверен, что эти достижения имели бы место также и в Императорской России.

Мы счастливы появляющимся проблескам свободного творческого русского слова, начинающего звучать на родной Земле, но, несмотря на все это, мы никогда не должны забывать того, что покамест не свободен русский человек, покамест у власти люди, покровительствующие безбожникам, покамест цель мирового коммунизма, то есть советского правительства, остается в силе, мы не имеем права отказаться от самого смысла нашего существования на чужбине — борьбы за освобождение нашей Отчизны от коммунизма.

Я верю в то, что скоро наступит час, когда освобожденные Российской Народы снова всецело обретут свои исторические, религиозные и моральные устои, которые, несмотря на долгие страдания и гонения, пятьдесят лет советской системы не смогли искоренить.

Я верю в то, что наша воскресшая Родина поможет спасению мира, погрязшего в материализме и постепенно теряющего свои духовные ценности.

Я верю в то, что грядущая Россия укажет путь дружбы и счастья всем народам Вселенной.

Я верю также в то, что большинство русского молодого поколения унаследовало от своих отцов безграничную любовь к нашей Родине и готовность, всеми силами, бороться за ее освобождение.

С верою в это, с молитвой о вечном упокоении жертв коммунизма во всем Мире — закончим уходивший год — юбилей красного Кремля — трагедии России.

С верою во все Мною вышесказанное, поздравляю всех русских людей за рубежом и на Родине с Праздником Рождества Христова и шлю Мои лучшие пожелания к Новому 1968 году.

В Л А Д И М И Р

Дано за рубежом России, 25 декабря 1967 г.

Народно - Монархическое Движение исходит из той аксиомы, что Россия имеет свои пути, выработала свои методы и идет к своим целям и что, поэтому, никакие политические заимствования извне ни к чему, кроме катастрофы, привести не могут.

Так для Менделеева было бы катастрофой, если бы его заставили переменить лабораторию на сцену, или для Шалапина, если бы его заставили переменить сцену на лабораторию.

Иван СОЛОНЕВИЧ

дое, всеобъемлющее, скопческое единство мертвых душ? Разве это — не то же “равенство”, на котором мазурики поймали русский народ, не та же революционная уравниловка? Мир тем только и красен, что в нем каждая вещь имеет свое лицо и каждый звук — свою интонацию. А в совокупности — хор, мир, радость. Гимн Всевышнему. Надо лишь строй, соотношение нужное, чтоб получился аккорд, нужна центральная, объединяющая идея, на которую можно было бы опереться. Не единство нужно необъединимого, “голоса и глухоты”, а стойкость и милость. Стойкость, чтоб не упасть, не отдать врагу своих позиций, а милость, — чтоб не зазнаться и не оскорбить ближнего. Единство при-

ходит и з н у т р и, а не трудами свахи.

Вернемся к Степуну. Главная злобедность их, ядовитость их острая, заключается в их наружном благородстве: вот ведь какие мы честные, умные, искренние! И народ прет. А на деле все заблется, все двойственно, все обманчиво. Кто такой Степун? Боевой офицер, верный сын России — или революционный предатель? Кто Савинков? Отъявленный прохвост, убийца и революционер — иль верный сын России? Кто Керенский: “государственник и горячий патриот”, как называет его Степун, — или злобещий масон-революционер, палач России, — или простой шут на канате? Кто такой даже генерал Корнилов: герой,

